

Всю дорогу до столицы Бай Шу из-за тяжелой раны провел в карете. Изнывая от скуки, он то и дело гадал: какое лицо будет у Хан Сиэня при их встрече? Что почувствует он сам? В те долгие часы ему казалось, что от волнения перехватит дыхание — шутка ли, увидеться вновь, едва перешагнув порог смерти. Но теперь, когда перед ним действительно предстало это вечно холодное, словно высеченное из камня лицо, Бай Шу неожиданно ощутил глубокий покой. И тихую, чистую радость.

Он мягко улыбнулся и, глядя на стоящего перед ним юношу, тихо произнес:

— Хан Сиэнь, я вернулся.

Хан Сиэнь молча созерцал гостя, задержав взгляд на его груди — там, куда когда-то угодила вражеская стрела. Лишь спустя долгую минуту он отвел глаза и ровным голосом велел подошедшему слуге:

— Ступай в усадьбу господина Бая. Передай, что его брат сейчас в поместье маркиза Вечного Покоя.

Едва стражник скрылся за дверью, Хан Сиэнь перевел взгляд на застывшего посреди комнаты Бай Шу. Небрежным жестом указав на соседнее кресло, он просто сказал:

— Присаживайся.

Простые, обыденные слова — будто они и не расставались на долгие месяцы. Но для Бай Шу в этой будничности крылось нечто большее. Он приоткрыл рот, словно собирался что-то сказать, но так и не проронил ни звука, лишь улыбнулся еще теплее.

Опустившись в кресло, Бай Шу не сводил с хозяина дома внимательного взгляда. Ему показалось, что за время его отсутствия Хан Сиэнь немного осунулся.

Хан Сиэнь устроился напротив. Замечание о собственной худобе он пропустил мимо ушей — куда больше его беспокоил вид самого Бай Шу. Тот выглядел бледным, изможденным, а в его движениях сквозила непривычная слабость. Прежде напористый, живой и деятельный, сейчас молодой человек казался хрупким, словно фарфоровая пиала.

Взгляд Хан Сиэня скользнул к груди гостя.

— Как твоя рана? — негромко спросил он.

Хотя рубец скрывали слои одежд, юноша легко мог представить, какой след остался на некогда чистой коже. Ранение, едва не утянувшее в могилу искусного мастера боевых искусств, не могло пройти бесследно.

Этот простой вопрос всколыхнул в груди Бай Шу затаенную, щемящую обиду. Там, на далекой границе, когда жизнь его висела на волоске, все его мысли занимал лишь Хан Сиэнь. Именно тогда он окончательно осознал, насколько глубоко привязался к этому человеку.

Когда Бай Шу очнулся после тяжелого бессмятства, старший брат, генерал Бай Вэньхань, прямо спросил его: «Стоит ли оно того?»

Бай Шу понимал, почему брат злился. О ранении раструбили на всю столицу, однако от Хан Сиэня не пришло ни весточки, ни единого сухого слова соболезнования. В глазах толпы этот юноша оставался бездушным, ледяным эгоистом, лишенным сердца. И все же Бай Шу тогда лишь тихо ответил: «Стоит».

Разве искреннее чувство требует соразмерной платы? Бай Шу знал, какими высокими стенами Хан Сиэнь отгородился от мира, и был готов ждать годами, бережно растапливая этот лед. Теперь, когда смерть отступила, у него впереди была целая вечность.

Конечно, порой ему бывало больно. Но его израненное сердце слишком легко прощало обиды. Стоило Хан Сиэню проявить хоть каплю участия, как вся горечь бесследно испарилась.

"Все-таки я для него не чужой, — подумал Бай Шу. — Будь на моем месте кто-то другой, Хан Сиэнь даже взгляда бы в его сторону не бросил, не говоря уже об этих пусть небрежных, но искренних расспросах".

— Не переживай, все давно зажило, — с улыбкой ответил Бай Шу и, подавшись вперед, заглянул в глаза собеседника: — Хан Сиэнь... ты ведь правда беспокоился обо мне?

Хан Сиэнь молча внимал буре чувств, бушевавшей в душе гостя. То, с каким упорством Бай Шу оправдывал его равнодушие, волной горького разочарования в самом себе захлестнуло душу маркиза.

"Глупый... — тоскливо подумал Хан Сиэнь. — Готов простить мне любой грех ради одной теплой фразы".

Он мог бы оборвать эти иллюзии. Сказать прямо и сухо: «Я спросил из вежливости, как поступил бы любой знакомый». Но, ощущая почти осязаемый жар чужой преданности, Хан Сиэнь просто не смог выдать из себя эти жестокие слова.

Да, теперь он стал черствым и эгоистичным. Но ведь когда-то и он любил так же слепо, чисто и беззаветно. И пусть та любовь в итоге обернулась предательским ударом кинжала в грудь, это не перечеркивало прошлого. Он помнил, каково это — верить человеку без оглядки, затыкать уши, когда другие твердят об опасности, и беречь своего избранника как величайшую драгоценность.

И вот теперь судьба столкнула его с точно такой же преданностью. Бай Шу терпел его скверный характер, прощал холодность и ловил каждое слово. Хан Сиэнь видел это насквозь, читал чужие мысли, словно раскрытую книгу. Но даже перед лицом этой кристально чистой преданности его собственная способность доверять оставалась мертвой.

Долгое время он убеждал себя: стоит лишь закрыть сердце на замок, отречься от любви и веры в людей, как ты станешь неприступной крепостью. Года шли, лица сменяли друг друга, и лишь этот упрямый юноша неизменно оставался рядом.

Для любого стороннего наблюдателя преданность Бай Шу могла показаться унижительной, граничащей с рабской покорностью. Но Хан Сиэнь поражало другое: в душе его спутника не было ни капли отчаяния или уязвленной гордости. По меркам Великой Чжоу выбор Бай Шу требовал колоссальной отваги. В мире, где помимо мужчин и женщин существовали гэеры — способные к деторождению двуполые юноши, — далеко не каждый благородный муж решился бы связать жизнь с обычным мужчиной, сознательно отказываясь от продолжения рода.

Их неопределенные отношения были жестокими по отношению к Бай Шу. Но заставлять себя любить насильно Хан Сиэнь не желал. Подавив подступившую тоску, он мысленно оборвал собственные рассуждения.

"Бай Шу — это не Юнь Чжоу. И он никогда им не станет".

Встретив устремленный на него сияющий взгляд, Хан Сиэнь заставил себя сохранить бесстрашие.

— Разумеется, — тихо обронил он.

Всего одно слово — но для Бай Шу оно прозвучало слаще любой музыки. На его бледных щеках выступил нежный румянец, а губы расплылись в счастливой улыбке. Оперевшись на подлокотники кресла, он стремительно подался вперед и запечатлел невесомый, мимолетный поцелуй на тонких губах Хан Сиэня.

Отстранившись с видом кота, стащившего лакомый кусок, Бай Шу лукаво склонил голову набок.

— Хан Сиэнь, я очень устал с дороги, — задорно проговорил он. — Пойду прилягу.

Хан Сиэнь лишь покачал головой. Он понимал, что долгое путешествие из Сицзяна в столицу окончательно лишило раненого сил. Юноша жестом подозвал служанку, чтобы та проводила гостя, но Бай Шу упрямо отказался от помощи. Поднявшись на ноги, он заглянул в бесстрастное лицо маркиза:

— Пожалуй, я займу твою спальню. Как обычно.

С трудом скрывая торжество, он уверенным шагом направился вглубь дома. Служанка украдкой глянула на хозяина и, убедившись, что тот не собирается гневаться, поспешила следом за гостем, мысленно прикидывая, как получше обустроить постель. А то, что молодой господин без спроса занял хозяйские покои... Что ж, слуги давно привыкли. Прежде эти двое и так делили ложе чуть ли не каждую ночь.

С того дня Бай Шу окончательно обосновался в поместье маркиза Вечного Покоя. Его старший брат, генерал Бай Вэньхань, очевидно, не горел желанием лишний раз лицезреть угрюмую физиономию молодого маркиза, а потому в усадьбе не появлялся. Впрочем, вскоре от него прислали несколько сундуков с повседневной одеждой брата. Похоже, суровый военачальник смирился с выбором родственника.

Родные стены столицы и возможность ежедневно видеть любимого человека сотворили чудо: раны Бай Шу затягивались прямо на глазах. На сей раз он вел себя на удивление скромно и не докучал хозяину просьбами смазать рубцы лечебной мазью. Сам же Хан Сиэнь проявлять излишнее любопытство не спешил.

Возвращение третьего принца Цзи Ло, ныне ставшего наследником престола, всколыхнуло императорский двор. Под его бдительным надзором наконец решилась участь заговорщиков из дома герцога Хань. Прежний герцог Хан Чжо и его брат Хан Шу приговором суда были сосланы в Южные земли, в далекую область Юнчжоу. Те гиблые места, граничащие с варварским царством Наньчжао, славилась удушливой сыростью и гнилым воздухом. А учитывая, что дикари Наньчжао искусно владели темным искусством ядов и смертоносных сект, подобная ссылка мало чем отличалась от смертной казни.

Младшее поколение семьи Хань новоиспеченный правитель карать не стал. По воле усопшего императора их род и без того лишили права занимать государственные должности на три поколения вперед, так что Цзи Ло лишь позволил им выкупить свою свободу за звонкую монету.

Хан Сиэнь к этому делу не приложил и пальца. Зато у дверей Министерства юстиции появилась его сестра, Хан Минчжу. Будучи на последних месяцах беременности, она горько плакала в сырых казематах, скорбя об участи отца и мачехи. В сопровождении своего супруга, наследника Цзи Юэ, она выплатила казне требуемый выкуп за шестого брата Хан Юэвэня, его супруга-гэера Чжао И и госпожу Лю.

Оказавшись на свободе, ненасытная госпожа Лю тут же попыталась сесть падчерице на шею — принялась кланчить деньги на покупку столичной усадьбы и безбедное житье. Однако стоило ей завести этот разговор, как Хан Минчжу схватила за живот и с тихим стоном лишилась чувств. Взбешенный Цзи Юэ подхватил жену на руки и немедленно покинул тюремный двор, напоследок швырнув Хан Юэвэню жалкие десять лянов серебра — весь свой щедрый дар зятя.

Госпожа Лю долго голосила вослед уходящему экипажу, крича, что раз уж дома им не видать, зять обязан был выдать пособие ее любимому сыну. Она даже заикнулась о том, чтобы вернуть выкуп за Чжао И наличными, оставив зятя-гэера гнить за решеткой.

Услышав это малодушное предложение, Хан Юэвэнь решительно шагнул вперед и крепко сжал ладонь своего безмолвного спутника.

— Матушка, Чжао И — мой законный супруг, и мы разделим любую участь, — твердо произнес он, глядя в лицо матери. — Если вы решите оставить его здесь, то и мне воля не нужна.

Чжао И лишь покосился на державшего его за руку юношу и безмолвно опустил ресницы.

Госпожа Лю хотела было разразиться новой тирадой, но Хан Юэвэнь тихо прервал её:

— Если матушка желает разгневать маркиза Вечного Покоя, то пусть помнит: нас живо вернут обратно. И тогда наша судьба окажется ничуть не лучше, чем у семей второго и третьего дядей.

Родственники со стороны Хан Шу и Хан Пина по-прежнему томились в сырых казематах — выкупать их Хан Минчжу не стала, предоставив бывшим гордецам самостоятельно наскребать медь на спасение собственных шкур. А после сегодняшней безобразной сцены у тюремных ворот, из-за которой беременная княгиня едва не лишилась дитя, уездный князь Юн наверняка запретит супруге даже приближаться к своей непутевой родне.

Вспомнив, с каким безумным отчаянием были ей вослед остававшиеся за решеткой госпожа Чжан и госпожа Вэнь, госпожа Лю зябко передернула плечами и предпочла прикусить язык.

До Хан Сиэня долетали слухи о семейных дразгах, но он лишь брезгливо отмахивался от них. Его сестре Минчжу приходилось заботиться о положении в высшем обществе и репутационной чистоте, ему же до условностей света не было никакого дела. Он не выделил бывшим родственникам ни единого медного гроша даже ради приличия.

Когда страсть при дворе улеглась, великий генерал Бай Вэньхань получил приказ вернуться к командованию войсками на западной границе. Провожать его выехал весь столичный бомонд, включая Бай Шу и наследного принца Цзи Ло.

Прощание вышло недолгим, но запоминающимся. Цзи Ло с глубокой серьезностью намекнул старому боевому товарищу, что тому давно пора обзавестись супругой, которая скрасила бы тяготы походной жизни. На это генерал лишь зычно расхохотался: «Похоже, Ваше Высочество, мне суждено провести остаток дней бобылем, охраняя покой Великой Чжоу!» — после чего вонзил шпоры в бока коня и умчался прочь в облаке пыли.

На обратном пути Бай Шу пребывал в непривычно минорном расположении духа. Тоска не отпускала его до самого вечера. Хан Сиэнь не пытался лезть к нему с утешениями. Он спокойно читал при свете свечи, пока не поймал на себе пристальный, затуманенный грустью взгляд юноши, лежавшего на постели.

Отложив свиток в сторону, маркиз слегка приподнял бровь:

— Что с тобой?

Бай Шу промолчал. В этот миг из его головы улетучились все печали, уступив место восхищению: в мягких отсветах пламени Хан Сиэнь казался невероятно, непостижимо прекрасным, заставляя сердце биться чаще.

Протянув руку, Бай Шу осторожно потянул маркиза за рукав на себя. Дождавшись, пока тот наклонится, он придвинулся ближе и привычным мягким жестом коснулся его губ своими.

Хан Сиэнь смотрел на него снизу вверх. Но едва Бай Шу попытался отстраниться, как сильные ладони легли на его плечи. Одним плавным, неодолимым движением маркиз перевернул его, подминая под себя.

Оказавшись сверху, Хан Сиэнь мгновение вглядывался в сияющие глаза напротив. А затем, медленно склонившись, впервые сам накрыл губы Бай Шу глубоким, властным поцелуем.

<http://bllate.org/book/20088/2002114>